

Дочь ведьмы

Автор:

Франсин Тун

Дочь ведьмы

Франсин Тун

Trendbooks thriller

Бестселлер Sunday Times Топ лучших романов 2020 года по версии Telegraph
Премия McIlvanney Prize 2020 Лонг-лист Highland Book Prize 2020.

Среди сосен в темном лесу кто то бродит. Призрак, чужой или безмолвная тень женщины? Далеко в полях местные видели костры, находили камни, выложенные в круг. Говорят, это проделки ведьмы. Той самой ведьмы, что давным-давно ушла из дома и не вернулась. С тех пор ее муж Найл научился жить заново. Днями он один воспитывает дочь, вечерами заливает тоску алкоголем. Он никогда не говорит с десятилетней Лорен о маме. И девочка ищет ответы в картах Таро... Она хотела бы знать, о чем судачат местные. Кто та женщина-призрак в белом халате, что бродит в лесу? Куда ушла темной ночью ее соседка Анн-Мари? А главное, она хотела бы знать, о чем молчит ее отец. Что он скрывает в той комнате, которая вечно закрыта?

Франсин Тун

Дочь ведьмы

FRANCINE TOON

Pine

© Francine Toon 2020

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2021

* * *

Правду скажи, непутевая дочь,
Где провела ты вчерашнюю ночь?
В чаще сосновой, где воют ветра,
Я продрожала всю ночь до утра.

«В чаще сосновой», американская народная песня

Вы про?сите меня верить в чудеса.

Runrig «Every river»

Глава 1

Они замечают ее, когда отправляются на традиционную охоту за сладостями накануне Хеллоуина...

Дорога сужается, прорезая кромку леса. Некоторые сосны растут здесь так плотно, что сквозь них почти не видно ночного неба. Поудобнее устроившись на пассажирском сиденье, Лорен качает ногами в эластичных спортивных туфлях, иногда задевая перекатывающиеся по полу банки с энергетиком и потертый теннисный мячик. Заплетенные в косичку волосы словно веноч украшают ее голову. Найл, ее отец, управляет старым пикапом и слушает «Аэросмит». В салоне пахнет собачьей шерстью, хотя Джеймсона в машине нет.

– Ты губы помадой накрасила? – косясь на нее, спрашивает отец.

– Нет, краской для грима. – Лорен врет. Хеллоуин – единственный день в году, когда она может взять что-нибудь из вещей матери. Тайком, конечно.

Она держит на коленях ведро в форме тыквы. Ее лицо напудрено до белизны, из уголка рта словно вытекает бордовая струйка крови. Такую вполне можно нарисовать краской для грима, не так ли? На ней черное платье с кремовым кружевным воротничком. Его купили на похороны бабушки одиннадцать месяцев назад, когда ей было девять с половиной лет. Рукава уже коротки, в следующем году платье может стать ей мало. Отец говорит, что больше они, наверно, не поедут выпрашивать сладости. Но сегодня она вампир. Ей очень по душе этот наряд. Они живут в крошечной деревушке, и здесь никто не станет дразнить ее, в отличие, например, от школы. В кармане у нее складной нож из оленьего рога.

Фары отбрасывают в темноту два белых луча. Впереди на дороге виден съезд, и при их приближении дорожный знак ярко светится. В кустах на краю обрыва Лорен неожиданно замечает тощую фигуру в длинном белом халате.

– Господи, – бормочет ее отец, когда они проносятся мимо.

– Кто это? – Лорен вглядывается в темноту. Деревья постепенно редют.

– Ты о чем? – отвечает Найл и делает музыку погромче.

Лорен сует руку в карман платья и проводит пальцем по ребристой поверхности ножа, затем по металлической полоске и по краю лезвия. В последнее время она часто так делает. Вскоре они выезжают из леса и мчатся вниз по склону к Клаванмору. Четыре дома, разбросанных вдоль дороги; маленькое созвездие огней среди темного поля.

Найл паркуется возле дома ее друга Билли Мэтисона, у заброшенной телефонной будки. Лампочка в ней все еще цела и освещает часть тротуара. Сквозь потрескавшийся асфальт пробиваются сорняки. Лорен долго не отрывает глаз от зеркала заднего вида, пока там не появляется фигурка Билли в шортах ярко-синего цвета. Его мать Кирсти и младший брат Льюис спускаются следом по узкой тропинке от своего дома. Лицо Билли, а также вратарская рубашка,

поверх которой накинута куртка, измазаны бутафорской кровью. А волосы на голове торчат дыбом, как шипы.

– Во что ты превратил свою футболку? – хрипло спрашивает отец Лорен, захлопывая дверцу пикапа.

– Он зомби! – Голос Кирсти разрезает ледяной воздух. В своем полосатом желто-синем пуховике она напоминает Лорен большого шмеля. Ее волосы цвета кукурузной лепешки почти полностью спрятаны под шляпой. Выглядит мило. – Я использовала красный пищевой краситель, – с улыбкой добавляет Кирсти, глядя на Лорен маленькими блестящими глазками. – Мой Льюис совсем как маленькое чудовище, правда?

Малыш облачен в кигуруми динозавра, его пухлые щеки пылают румянцем.

– Точно, – кивает Найл, и в его бесстрастном голосе слышится насмешка.

Льюис смотрит на него снизу вверх и что-то радостно бормочет, но никто не может толком разобрать его слов.

– Он очень взволнован, – говорит Кирсти.

Где-то вдалеке завывает ветер.

– А у тебя что за костюм? – спрашивает Билли у Лорен, как будто и так непонятно. За последнее время он вытянулся и уже стал выше ее ростом.

– Я вампир, – отвечает Лорен. Она старается не выглядеть слишком взволнованной. В супермаркете закончились все светящиеся клыки, так что пришлось довольствоваться помадой-кровью.

Они оставляют Найла в пикапе. По мере того как Лорен и Билли спускаются вниз по дороге, звуки радио стихают. Кирсти и Льюис неторопливо следуют за ними. Темноту разрезает свет, пробивающийся из окон сквозь хлопчатобумажные занавески, дорогу освещает пара уличных фонарей, похожих на оранжевые леденцы. Они идут в гости к соседям, которых знают с рождения.

Первым на их пути попадает дом Алана Мэки. Возле коттеджа пахнет растворителем краски и опилками. Лорен спотыкается о сложенную в коридоре стремянку и почти падает в бежевую гостиную Алана. Кирсти поднимает Льюиса на руки, он начинает капризничать, его пухлые пальцы тянутся к отвертке на столике в прихожей. Лорен занимает свое место рядом с Билли перед ревушим телевизором. По телику транслируют футбольный матч, и экран залит насыщенным ярко-зеленым цветом. Над телевизором висят выцветшие фотографии. На них запечатлены Алан и его жена на красных велосипедах в холмистом Авиморе, тогда они были молоды, полны сил. Есть и более поздняя фотография его жены, сделанная незадолго до смерти: сухая и бледная, она сидит на диване с большим рыжим котом, свернувшимся у нее на коленях.

Мать Билли пристроилась рядом с Аланом на том же диване ирисового цвета. Она закидывает одну ногу на другую, и диван отчаянно скрипит. Алан выключает широкий телевизор. Запах в комнате кислый и затхлый, как в пабе. С Аланом Лорен почти не видится. От него у нее мурашки бегут по коже, а увидеть его дом изнутри – большая редкость. Изредка она бывает здесь вместе с Найлом. Отец заезжает к старику, чтобы одолжить что-то по хозяйству. Найлу комфортно, только когда общение носит чисто практический смысл. В одну из таких поездок Алан показал Лорен коллекцию своих трофеев, растянувшуюся на всю стену. Он подошел к ней ближе, чем ей хотелось бы, и она чувствовала запах его тела. Он сказал, что когда-то был учителем физкультуры у ее отца, и показал свои награды за толкание ядра, метание диска и бросание камней на Хайлендских играх. Больше всего ей нравился хрустальный трофей, чуть меньше – трофей с маленьким золотым человечком, на шее у которого виднелся крошечный золотой камешек.

– Итак, – говорит Алан, – что интересного расскажете?

Билли на одном дыхании отвечает:

– Как думаете, а почему скелет не танцует?

– Вот загадка. – Алан качает головой. Он смотрит на Кирсти, потом снова на детей. И улыбается, обнажая желтые зубы. – И в самом деле, почему скелет не танцует?

Билли выдерживает паузу.

– Потому что... он скелет ходячий.

У Алана вырывается хриплый смех.

– Ах вот оно что... Ну что ж, очень хорошо, сынок.

Наступает черед Лорен. Она поет песню «Летучая мышь из ада». Она готовилась к этому вечеру и даже репетировала свое выступление несколько раз, но, когда начинает петь, у нее ужасно сдавливают горло. «Летучая мышь из ада» – песня, которую ее отец постоянно включает в своем пикапе или когда воскресным утром жарит бекон. Однажды летом, проезжая мимо группки свидетелей Иеговы, он открыл окно и включил песню на полную громкость, напугав их до смерти. Ей очень хотелось, чтобы он был сейчас здесь и послушал, как она поет. Но отец бывает вежлив лишь по необходимости и чурается любого общества, в отличие от Кирсти или ее мужа Крейга. Он из тех людей, которые стараются не мозолить никому глаза и при первой возможности ускользнуть незамеченными. При виде такого жителя Страт-Хорна, ближайшего к ним городка, удивленно вскидывают брови.

Алан Мэки протягивает Лорен один из батончиков «Марс», разложенных на низком стеклянном столике. На деревянной раме журнального столика виден большой скол, как будто на него упало что-то тяжелое. Он наклоняется вперед, держась за спину. На свитере Алана не хватает пуговицы, и оттуда выглядывает краешек грязно-белого поло. Он хрипло говорит маме Билли:

– Мы ведь увидим ее по телику? На «Х-факторе». – Он ерошит Билли волосы и тоже вручает ему батончик «Марс», когда они собираются уходить. Наклоняясь к Билли, он бормочет: – Этот точно станет следующим Билли Доддсом, правда? Билли Мэттисон. – От смеха у него даже перехватывает дыхание. Лорен не понимает, что тут смешного.

Она бежит со всех ног, и скоро ей становится жарко. Ее плащ, сделанный из мешка для мусора, парит в воздухе. Она смеется беззвучным смехом, подобно злодеям в фильмах ужасов.

– Я твой заклятый враг! – выкрикивает она, подражая американскому акценту.

– Как это? – недоумевает догоняющий ее Билли.

– А вот так! – Лорен резко оборачивается. – Может, сходим к Диане? – спрашивает она у его матери.

– Слишком далеко, милая, – говорит Кирсти. – Нам придется тогда в темноте пересечь парочку полей. В любом случае, думаю, она сейчас ухаживает за матерью. Нам лучше не мешать.

– Мы с ней почти никогда не видимся, – канючит Лорен.

– Разве ты не встречаешь ее в школьном автобусе? – удивляется Кирсти.

– Ну, как сказать... – тихо отвечает Лорен.

Она стоит на правой ноге, как фламинго, почесывая левую щиколотку. И правда, когда Диана садится в школьный автобус в своем черном худи, она иногда касается рукой волос Лорен. Этот жест подобен благословению. В такие дни сверстницы оставляют Лорен в покое, хотя все еще шепчутся у нее за спиной. Все знают негласное правило: места в задней части автобуса предназначены для детей постарше, которые учатся в средней школе. Она расположена по соседству с начальной. Диана из тех девочек-подростков, которые занимают место в самом центре на последнем ряду. И ей наплевать, что ее гортанный смех разносится по всему проходу. Однажды водитель автобуса, Рой, даже высадил ее за курение. Лорен смотрела на каменистую обочину когда они отъезжали. Диана показала водителю средний палец, позади нее простиралась пурпурная пустошь, сливающаяся с бесконечным белым небом.

Лорен хотелось показать Диане свой костюм для Хеллоуина. Она из тех, кто любит старые фильмы про вампиров. Если бы Лорен разрешили пойти к Диане и посмотреть парочку она бы не испугалась...

Лорен часто бывает страшно: в школе, в автобусе, даже дома, когда отец то и дело прикрикнет на нее за то, что она задает слишком много вопросов. Диана вызывает у нее скорее не страх, а легкий трепет. Однажды они поспорили, что Лорен не сможет дотронуться до электрической изгороди. Лорен удалось коснуться изгороди и держаться за нее несколько секунд. Неделю спустя Диана подарила ей флакон ярко-голубого лака для ногтей под названием «Электрический угорь». Она показала Лорен место, где оторвала бирку, чтобы

не сработала сигнализация на выходе из магазина.

– Этот лак напомнил мне о тебе... хотя ты больше похожа на креветку, – сказала Диана, и ее губы, густо намазанные темной помадой, скривились в улыбке. Для Лорен тот день до сих пор был одним из лучших воспоминаний...

– А если бы она велела тебе спрыгнуть с моста, ты бы спрыгнула? – спросил Найл, когда услышал об электрической изгороди. Лорен покачала головой, но в глубине души понимала, что, наверное, не удержалась бы...

* * *

Маленькие «вампиры» и «зомби» подходят к коттеджу Вейри Грант, их приближение встречает лай крошечных собачек, они воют как маленькие обезьянки. Лорен пытается осторожно приоткрыть пластиковую дверь веранды. В этот момент мама Билли и младший брат их догоняют. Дверь, как обычно, не заперта. Из глубины дома слышно, как в ответ на собачье тявканье Вейри Грант хрипло кричит:

– Пс-ст! Тихо!

«Старая женушка» – так иногда шутливо называет ее отец. Женщина ростом немного выше Лорен, у нее зычный голос и нетвердая походка. Она стоит на небольшой скамеечке у высокого кухонного шкафа и усердно роется в нем, видимо, пытаясь что-то отыскать. Люстра перегорела, и комнату освещает настольная лампа.

– Помощь не нужна, Вейри? – спрашивает Кирсти. Приподняв брови, она смотрит на детей и отпускает Льюиса в коридор.

Тот топает маленькой ножкой на собак, которые вновь заливаются лаем. Вейри молчит. Она достает из шкафа открытый пакетик с арахисом и кладет его на стол. Пакетик точно такой же, как и в прошлом году.

– Как поживаешь, малыш? С каждым днем он все больше! – Вейри растягивает рот в беззубой улыбке, поглядывая на Льюиса, который топчется рядом с матерью. – А ты разве не разучил какой-нибудь номер?

– Он еще совсем маленький, – отвечает Кирсти.

Когда Лорен затягивает «Летучую мышь из ада», Вейри хмуро смотрит на Кирсти, а потом щурится на Лорен, как цыпленок. На жилистых руках женщины нет колец. На подоконнике лежит бинокль и стоит цветок-паучник.

– О, такого я, кажется, не слышала, – удивляется Вейри, протирая зеленоватую столешницу. Одна из собак лает и встает на задние лапы. Вейри беззвучно что-то напевает. – Как поживает твой отец?

Прежде чем Лорен успевает ответить, Вейри поворачивается к Кирсти.

– Никогда не вижу их по воскресеньям.

Тявкает другая собака, как будто соглашаясь с хозяйкой. Кирсти натянуто улыбается.

Когда они снова выходят на улицу, Билли спрашивает мать:

– Почему Вейри такая странная?

– Ну, ведь она пожилая дама – и, уж конечно, не молодеет. В таком возрасте многие становятся странными. Ох уж любит она поболтать, впрочем, как и все, кто здесь живет.

Перестав слушать, Билли бежит через пустую дорогу, но Лорен обгоняет его. Мальчик швыряет ей в спину арахис. Она поднимает орешки с холодной земли и на бегу бросает их через плечо. Кирсти, немного отстав от детей, велит им остановиться.

– Ну ты и зомби! – кричит Лорен.

– Она мой заклятый враг, – вторит Билли.

Льюис начинает хныкать. Его костюм динозавра испачкался, весь в соплях.

– Пойдем, – говорит Кирсти. – Тебе не понравилась шутка, ну что ты, малыш? – Хныканье перерастает в крик, и она поднимает голову, глядя на фургон Найла, размытый в пятне света от телефонной будки. – Послушайте, ребята, идите-ка вперед. Он не любит холода, поэтому мы пойдем и погреемся у Найла. Давай-ка, пошли!

Лорен жует губу.

– Ступайте к Анджели, это не так уж далеко отсюда.

– А папа придет? – спрашивает Лорен.

– Ты же знаешь, что он не самый большой ее поклонник. Не бойся. Она не кусается.

Оставшись одни, Лорен и Билли приближаются к третьему дому, спрятанному на узкой проселочной дороге среди деревьев. Они проходят через открытые черные ворота и поднимаются по извилистой подъездной дорожке, утопая ногами в крошечной гальке, украденной с местного пляжа. По обе стороны от дома гнутся на ветру тощие березки.

Дверь открывают Анджела и Малкольм Уокеры. Оба в мягких просторных рубашках, стоят, прислонившись к каменной стене. Они одновременно оглядываются через плечо и кричат куда-то вглубь темного коридора:

– Анн-Мари!

Анн-Мари Уокер недавно вернулась домой из школы-интерната. Ей шестнадцать лет, у нее бледная кожа, темные, как у отца, глаза и волосы цвета школьных туфель. В ее левой ноздре блестит серебряная сережка.

– Ты коротко подстриглась, – замечает Лорен, останавливаясь у перегруженной одеждой вешалки. Она не знала, что мальчишеская стрижка может так хорошо выглядеть. Когда Анн-Мари поворачивает голову Лорен судорожно пересчитывает количество сережек у нее в правом ухе, невольно прикасаясь к своему собственному.

– Она не носит их во время учебы в интернате, – говорит Анджела Уокер. Она растягивает гласные, как все англичане, хотя в Англии никогда не жила.

Анн-Мари косится на мать и качает головой.

– Вернулась домой вся в этих железках, – произносит Малкольм Уокер с лоулендским акцентом. – Я ее предупредил: еще парочка проколов, и ухо превратится в швейцарский сыр!

– Папа! – Анн-Мари бросает на отца многозначительный взгляд и проскальзывает обратно в подвал, который семья превратила в кухню.

Лорен только хотела затянуть свою песню, но, увидев, как Анн-Мари уходит, осеклась. Когда она все-таки исполняет «Летучую мышь из ада», Анджела и Малкольм Уокеры от души хлопают и дружно кивают. Анджела берет со стола в прихожей пеструю тарелку с кусочками яблок в ирисовой карамели, и ее каштановые волосы выскальзывают из черепаховой заколки.

– Угощайтесь, яблоки из нашего фруктового сада, – торжественно объявляет она.

Лорен берет одну дольку. Угощение на тонкой шпажке выглядит забавно. Девочка пытается откусить кусочек, но янтарная глазурь не поддается, под зубами хрустит затвердевший сахар. Она просит показать ей здоровенных, как медведи, ирландских волкодавов, которых держат в переоборудованном под кухню подвале.

Следом за ней в подвал спускается Билли. Здесь пахнет сыростью и лошадиной упряжью. Он удрученно бормочет:

– Моя шутка никому не понравилась...

Из потрепанной стереосистемы в углу доносится классическая музыка. Анн-Мари Уокер сидит за широким дубовым столом и, наклонив голову, вырезает в тычке отверстия в виде глаз, носа и рта. Рукава ее серой водолазки закатаны выше локтей, и Лорен видит, как под тканью напрягаются мышцы. Рядом покоится кучка серебряных браслетов и колец. Она показывает детям, сколько работы

уже проделала.

- Тугогато идет, - говорит она. - Ну, как дела в школе?

Билли пожимает плечами и пинает мяч в сторону одной из собак, которая миглом вскакивает со своего места.

- Отлично, - рассеянно отвечает Лорен; вторая собака подходит к ней, принюхиваясь. Жесткая шерсть на загривке двигается словно морская волна.

- Точно? - спрашивает Анн-Мари.

- Да, - кивает Лорен и снова смотрит на собаку, которая играет с Билли.

Анн-Мари подпирает голову локтем.

- Ты ведь скажешь мне, если эта девчонка снова к тебе пристанет?

- Да. - Лорен пытается натянуть на запястье кружевную манжету рукава.

- Кстати, у тебя очень красивые волосы. - В голосе Анн-Мари слышится радость, когда она вновь начинает резать тыкву. - Кажется, мамочка припасла для вас сладости.

Они слышат, как Анджела тяжело поднимается по скрипучей лестнице, осторожно перенося вес со ступеньки на ступеньку.

- Анн-Мари, ты уже показывала свою тыкву? В прошлый раз, когда мы заезжали в Инвернесс, мы купили книгу о традициях Хеллоуина.

Анн-Мари на минуту отрывается от своего занятия:

- Она называется «Самайн». - И продолжает свою работу.

Лорен оглядывается в сторону лестницы, мимо развалившихся там Аги и Хантера.

– А ты разве не ходишь в школу? – спрашивает она Анн-Мари, которая смотрит на нее каким-то странным взглядом.

– У нас уже были картофельные каникулы[1 - Картофельные каникулы – длинные октябрьские каникулы в Шотландии; в прошлом веке носили такое название, потому что в некоторых частях страны в это время года дети занимались сбором картофеля.].

Лорен хочется спросить, не вернулся ли старший брат Анн-Мари, Фрейзер, но она тут же вспоминает, что в прошлом месяце тот уехал учиться в университет. Прежде чем Анн-Мари успевает ответить, в разговор вмешивается ее мать.

– От этой школы нет никакого проку. Они сами не знают, что делают. Иногда, – говорит она, словно разговаривая с равной себе. – Думаю, нам следовало бы отправить ее в школу в Страт-Хорне вместе с тобой, Лорен, а не в Эдинбург.

К Анджеле подбегает собака, дышит часто и тяжело.

– Сидеть, – командует Анджела, протягивая руку к корзине. – На этот раз ты меня не обманешь.

В свете кухонной лампы ее лицо кажется абсолютно чистым, лишенным всякого макияжа, если не считать помады коричневого оттенка и толстых фиолетовых очков. У Анджелы любопытный взгляд – кажется, она из тех, кто любит подсматривать за жизнью соседей.

– Не забудьте вымыть руки, прежде чем приметесь за сладости, – говорит она детям, которые гладят собаку. – В той книжке написано, что раньше вместо тыквы использовали репу, так-то вот, – продолжает она, кивая на репу, которая лежит на столе. – Вырастить ее было непросто, скажу я вам. Немалых трудов стоило. – Она подходит к вишнево-красному чайнику. – Кто будет чай?

Билли увлекся собаками и не реагирует на приглашение.

– Можно мне чашечку, пожалуйста? Анджела, зачем они выращивали репу? – тихо спрашивает Лорен.

– О, не знаю, это ведь было давно. Еще до того, как стали выращивать тыквы. Погоди. Я приготовила для вас другие лакомства. – Она стремительно идет к кладовой.

– Анн-Мари, а ты? – говорит Лорен. – Надолго вернулась сюда?

– Гм... Не знаю, на несколько дней. – Анн-Мари, не поднимая глаз, продолжает обрабатывать тыкву.

Анджела возвращается к столу с коробками из-под мороженого, которые она использует как контейнеры. Поправляя очки, она снимает крышечки; внутри видны шляпки из маршмеллоу[2 - Речь идет о традиционном шотландском угощении, которое называется top hats: маршмеллоу, кекс, глазированные шоколадные конфеты обмакивают в молочный шоколад, получается угощение в виде шляпы.] и меренги.

– Счастливого Хеллоуина!

Лорен откусывает кусочек от шляпки, размазывая по щеке струйку помады.

Мамы Билли нигде не видно. Дети возвращаются, переходя дорогу, и поднимаются вверх, мимо дома Вейри. У телефонной будки машины нет, но, когда они добираются до дома Билли с толстыми каменными стенами, Лорен замечает отцовский пикап на подъездной дорожке. Его двигатель урчит, а фары отбрасывают свет на гравий. Она подходит к машине и прижимается лицом к холодному стеклу. Льюис, уже переставший хныкать, сидит рядом с Кирсти на пассажирском сиденье. Льюис дергает мать за руку. Та ловит взгляд Лорен и пытается открыть дверцу.

– Вот и я, – говорит она, выходя из машины. – Не беспокойся, Найл, все в порядке.

Она спешит в дом, таща за собой Льюиса.

– Зайди к нам на минутку, – просит она Лорен. Девочка ступает в ярко освещенный коридор дома Билли. – Думаю, ты тоже можешь взять несколько, – говорит Кирсти сыну, насыпая из пакетов пригоршню шоколадных конфет

«Фреддо» и «Свиззелс Мэтлоу».

– Спасибо, Кирсти, – благодарит ее Лорен, высыпая конфеты в свое тыквенное ведерко.

– Тогда до завтра! – отвечает Билли, поворачиваясь к лестнице. – Хочешь снова поработать над хижинкой?

– Пожалуй, – отвечает Лорен. – Пока, Кирсти.

Лорен проходит мимо растущих у дома платанов, их сухие листья тихо шуршат, словно разговаривая друг с другом. До нее доносится плаксивый гитарный рифф, и девочка различает силуэт отца в машине.

По пути домой Найл спрашивает дочь:

– Что тебе подарила Анджела?

Его подбородок вздернут вверх, словно вопросительный знак.

– Шляпки из маршмеллоу.

– Боже правый... шляпки...

Он потирает щеку тыльной стороной ладони.

– Папа! Ну что в этом такого?!

Он всегда иронизирует над Анджелой. Но ведь она по крайней мере мне хоть что-то приготовила, мелькает в голове у Лорен.

– Да шучу я! Пытаюсь заставить тебя улыбнуться. Ты уже совсем как подросток. – Лицо у отца совершенно не выражает эмоций. Так часто бывает, когда он смотрит вперед на дорогу, но Лорен научилась распознавать отцовское настроение, тонкую грань между гневом и иронией, как сейчас.

Они молча слушают рок-радио. Впереди одна и та же однообразная черная дорога, фары то и дело высвечивают выбоины и щебень. Потом сбоку вновь мелькает тот указатель...

Затем появляется что-то белое, и на дорогу выбегает фигура... Фигура женщины.

– Чтоб тебя! – Найл давит на тормоза и еще сильнее вцепляется в руль, но машину заносит. Сосны совсем близко мелькают за окном, доносится крик, но Лорен кажется, будто кричит не она. Она слышит стук веток о стекла, пронзительный визг шин и голос Стивена Тайлера...

В наступившей тишине она замечает, что тыквенное ведро упало вниз, а фруктовые конфеты перекатываются между банками и клоками собачьей шерсти на разодранном ковролине. Лорен поднимает голову и смотрит вперед, не замечая качающийся туда-сюда, словно метроном, освежитель воздуха. Когда Найл заводит мотор, женщина вновь мелькает за стеклом. Когда он выезжает на дорогу, из динамиков доносится «Я не хочу ничего пропустить», и свет фар выхватывает ее, сидящую неподвижно, словно притаившийся заяц, с мертвенно-бледным лицом.

– Опять та женщина, – говорит Лорен.

Приглядевшись повнимательнее, она понимает, что слово «женщина» не совсем уместно. Уж слишком она молода. Девушка скорее, да и то с натяжкой. Может быть, ей столько же лет, сколько Анн-Мари и Диане. Ну, или она все-таки постарше... Но всего на несколько лет. Трудно сказать.

Отец, кажется, не слышит ее, но потом тихим голосом говорит:

– Я знаю, кто это.

Он выключает свет, и теперь можно различить завязанные в пучок светлые волосы. Девушка-женщина встает и делает неуверенный шаг в их сторону. Халат полураспахнут, он ей явно не по размеру. Девушка очень худая, к тому же босая. На ногах у нее видны темные ссадины.

- Да что с ней такое? - недоумевает Лорен.

Найл хмурится, уткнувшись в свою большую ладонь, словно пытаюсь прикрыть все лицо.

- Она... не может нормально ходить, - говорит Лорен.

На молодой женщине нет ничего, кроме халата. Лорен никогда раньше не видела столь обнаженного человека. Ей становится страшно. Она подтягивает ноги на сиденье к груди и упирается коленями в подбородок.

- Папа?..

Они ведь должны ей помочь. Она точно знает, что должны...

Женщина тем временем уже доковыляла до капота машины, и в свете фар ее тень растянулась по дороге. С обеих сторон дорогу обступили черные сосны.

- Все в порядке, милая, не беспокойся. - Найл ерзает в кресле, плотная куртка шуршит о спинку сиденья. - Побудь здесь.

Лорен натягивает на голову свою вампирскую накидку. Она чувствует, как отец дотрагивается до ее плеча, как затем медлит, открывая дверцу, чтобы выйти из пикапа. Когда дверца хлопает, ее легкая накидка слегка приподнимается от потока воздуха.

- Папа, - шепчет она, но язык пересох, как осенний лист.

Она слышит, как тяжело стучат по асфальту его рабочие ботинки. Затем некоторое время не слышно ни единого звука, кроме ее собственного дыхания и шелеста целлофанового плаща. Она то открывает глаза, то закрывает их, но кругом все та же непроглядная тьма. Она представляет, как скукоживается от страха, как становится все меньше и меньше, как ее плащ расправляется, превращаясь в вырастающие из спины крылья летучей мыши. И вот-вот она вылетит из окна машины, став такого же цвета, как ночь, слившись с нею...

Но ничего такого не происходит. Она прислушивается к собственному дыханию, чувствуя, как ее кожа становится липкой; затем приподнимает край плаща и видит отца, который стоит у капота, подхватив незнакомку под локти. Женщина гораздо ниже его ростом, у нее узкие плечи. Лицом она уткнулась в ветронепроницаемую ткань его куртки, а он смотрит прямо на нее, втягивая подбородок и проводя грубой рукой по ее растрепанным волосам. Из-под натянутой на голову лыжной шапочки выглядывает хвост его собственных волос. Лорен ерзает на сиденье и тихо вскрикивает...

Найл хватается женщину за тонкую руку и подводит к той стороне машины, где сидит Лорен. Незнакомка заглядывает в окно и смотрит куда-то сквозь Лорен, у нее такое изможденное и бледное, как луна, лицо... У Лорен даже кости холодеют от ужаса. Найл машет рукой, показывая, что девочка должна пересестись на водительское сиденье. Он открывает пассажирскую дверцу, и женщина, дрожа от холода, забирается внутрь, но выражение ее лица остается совершенно непроницаемым. Всю дорогу домой Лорен сидит на коленях у Найла. Здесь тесно, но зато спокойно. От работы обогревателя стёкла заволочло белой дымкой...

– До дома уже недалеко, – говорит Найл, вглядываясь в темноту. – Мы отвезем тебя домой. Осталось совсем недолго. – Он похлопывает по рулю и медленно едет вверх по лесистому холму к их дому.

За мягкой рукой отца Лорен не может разглядеть женщину целиком. Она видит лишь ворот ее халата и кусочек волос. Женщина по-прежнему дрожит, смотрит куда-то перед собой, сидит прямо. Лорен не может взять в толк, откуда ее отец знает ее, эту женщину с таким юным лицом и взглядом старухи...

Кажется, сейчас само время застыло, остановилось. В машине пахнет отцовским потом и лесом. Бородой и подбородком отец то и дело касается заплетенной косички Лорен. Она вынуждена наклониться на правый бок, и ее тошнит.

– Мы отвезем тебя домой, – бормочет Найл. – Всех отвезем домой.

Женщина молчит, а Лорен смотрит вперед. Ее взгляд стекленеет. Деревья обступили их со всех сторон, окружили своими могучими ветвями, в лунном свете похожими на когти. Лорен представляет себе, как пикап во время езды пожирает дорогу, всасывая ее в себя, словно смолистый суп, а деревья пытаются

сбить его своими костлявыми деревянными конечностями...

- Перестань дергаться, - выговаривает ей отец.

Лорен начинает мысленно напевать слова из «Летучей мыши из ада». Она повторяет стихи, не задумываясь о смысле. Просто слова и звуки...

До дома они добираются за считанные минуты. Пока Лорен возится с ключом в замке, Найл набирает уголь из металлического контейнера в железное ведро. Она чувствует, что женщина стоит прямо у нее за спиной. Но когда, открыв входную дверь, она оглядывается через плечо, то слышит позади лишь мрачный шелест деревьев. Лорен смотрит по сторонам. Женщина стоит позади Найла у контейнера. У нее скрюченное тело, а халат такой белый, что почти светится в тусклом сиянии ночного неба.

Женщина бесшумно входит в дом следом за Найлом. Теперь они все внутри, и ее глаза напоминают Лорен замерзшие лужи. Они впалые, с темными кругами. Женщина садится на кожаный диван в гостиной. Тот самый, на котором они с отцом обычно смотрят телевизор. Или едят. Незнакомка, почти не моргая, смотрит на картину на стене, на ней изображен волк в снегу.

От знакомки почти невозможно отвести взгляд, но Лорен вынуждена уйти на кухню, чтобы помочь отцу. Она открывает дверцу бойлера, Найл вытряхивает уголь из ведерка. В этот момент Лорен резко поворачивает голову.

- Откуда ты ее знаешь? - спрашивает она. Несмотря на включенный котел, ей все еще холодно.

- Разве я так сказал? Слушай, сейчас уже поздно, утром я тебе все объясню.

Голос отца звучит как-то отстраненно, мечтательно - совсем как в те моменты, когда она, собираясь ложиться спать, пытается растолкать его на диване...

Вытряхнув уголь, он проходит мимо Лорен, глядя прямо перед собой, и опускается на корточки у камина. Он переводит остекленевшие глаза с пустого лица женщины на скомканные газетные листы, которые вот-вот загорятся. Над ним, на каминной полке, стоит гималайская соляная лампа и аметист,

разрезанный пополам, внутренности которого ловят свет, превращая части камня в пурпурные плоды. Над раздвижными дверями, ведущими в сад, свисают кристаллы. Все эти вещи принадлежали матери Лорен. Она ушла, когда Лорен была еще совсем ребенком. Отец Лорен не любит говорить про это, не любит, когда она задает слишком много вопросов. В их доме до сих пор полно соляных ламп и свечей. Найл говорит, что это его вещи, но Лорен знает, что они принадлежат ее матери. Найл изредка сам заговаривает с ней о матери – после того как выпьет четыре кружки пива. Или больше. Он говорит: о твоей матери. Два слова, которые так ласкают слух. Однако он никогда не рассказывает слишком много – лишь о том, что ее мать была целительницей и была не похожа на других людей.

Они познакомились, когда ей было восемнадцать. Поработав в Эдинбурге, она переехала в Страт-Хорн. Лорен иногда спрашивает, где сейчас ее мама, и Найл всегда отвечает, что она, должно быть, нашла нечто получше, поинтереснее. И Лорен боится приставать к отцу с расспросами и пытаться узнать больше. Она боится, что была плохой дочерью, неинтересной для своей мамы, раз та решила поискать себе что-нибудь получше. Может быть, отец не любит говорить об этом, потому что знает: правда Лорен не понравится. В доме есть всего одна фотография, сделанная бабушкой Лорен. На той фотографии ее мама еще совсем молодая, даже юная. И можно подумать, что это снимок одной из одноклассниц Лорен. Иногда, когда Лорен заходит в магазин в Страт-Хорне, городке, который лишь немногим больше обычной деревни, она замечает, что местные женщины всегда косятся на нее и о чем-то шепчутся. Дети в школе тоже сначала подолгу перемигивались, поглядывая в ее сторону, прежде чем поболтать между собой. Лорен надеется, что однажды ей удастся подслушать их приглушенный разговор, чтобы наконец понять, в чем дело.

Со своего места на диване незнакомая женщина смотрит на сидящую на полу Лорен. Она не выглядит ни счастливой, ни печальной – скорее опустошенной. Лорен силится понять, о чем она думает, если вообще думает...

– Хотите?.. – спрашивает Лорен. – Вам хотелось бы... – Она внезапно закусывает губу и отводит взгляд. Она думает, что, может быть, эту женщину нужно обнять, как она обнимает Анн-Мари, когда той грустно, но что-то останавливает ее.

Пауза длится долго, Найл сминая в комок журнальные страницы, чтобы подбросить в огонь. Лорен делает глубокий вдох и оглядывается.

– Хотите чего-нибудь выпить?

Женщина сидит неподвижно, глядя на картину. В своем халате она похожа на грудку грязного белья, которое свалили в кучу перед стиркой. Тощее тело, ноги напоминают куриные лапки, а кожа – яичную скорлупу. Нос с горбинкой, на переносице ссадина.

Отец Лорен уверенными движениями ломает щепки и подбрасывает в камин. Щепки чем-то напоминают Лорен ломкую пенопластовую упаковку в которую заворачивают интернет-посылки, Найл забирает их на почте. Иногда она хочет использовать пенопласт для растопки, но папа предупреждает, что пластик жечь не стоит. Это неприятно и даже опасно. В комнате и так тяжело дышится, как будто воздух пропитан невидимым дымом.

Лорен вспоминает, как однажды спасла от кошки птицу. Птица была так больна, что казалась совершенно ручной и сидела у нее на плече, и девочка надеялась, что она станет ее питомцем. Она накормила ее и соорудила гнездо в ящике комода. Но на следующий день птица умерла. Отец тогда сказал, что кошачьи зубы – это как яд и у птицы не было ни единого шанса.

Он сминает еще одну газету и складывает растопку в горку, добавляя брикеты торфа, напоминающие толстые ломти шоколадного пирога. Он чиркает спичкой, и бело-зеленый мох на растопке начинает потрескивать и скручиваться. Найл задергивает тяжелую синюю штору на дверном проеме. Он снова смотрит на огонь, потом идет в другой конец комнаты и достает из буфета полупустую бутылку виски. Потом пьет, сгорбившись на диване. Входит Джеймсон и ложится у камина. Лорен опускается на колени и поглаживает спаниелю животик. Скорее он ласкает ее, чем она – его...

Могу я вас кое о чем спросить? Вы вампирша? Вы келпи?

Вслух этих слов она не произносит. Посмотрев на отца, она говорит женщине:

– Все хорошо. Мы о вас позаботимся.

Бледная молодая женщина все еще смотрит куда-то в стену, а Лорен пытается понять, не глухая ли она и понимает ли вообще по-английски. Словно прочитав ее мысли, женщина смотрит ей в глаза и улыбается.

Лорен отворачивается.

- Папа, я хочу есть. - Сказав это, она вновь оглядывается.

Ткань халата и цвет волос женщины – все в ней таинственное, загадочное. И все же знакомое. Возможно, знакомым ей показался запах женщины – в момент, когда та сидела рядом с Лорен в пикапе. Она пахла теплой кровью и землей, как ночной зверь, только что выбравшийся из своего логовища. Женщина сидит неподвижно, но Лорен кажется, будто женщина двигается... У нее огромные черные глаза. Когда Лорен отворачивается, она чувствует, как они впиваются ей в спину.

- Папа, а что мы будем есть сегодня вечером? - Ей хочется, чтобы вечер прошел как обычно.

Отец медлит с ответом.

- Сколько вопросов, Лорен... У меня от них голова кругом идет.

- Я просто...

- Потерпи немного, хорошо? Ради всего святого!

Когда он говорит вот так, плотно сжав губы, с резкими нотками в голосе, Лорен знает, что лучше помолчать. Вздохнув, он садится в кресло и начинает скоблить ножом маленький деревянный обрубок, придавая ему форму совы. Лорен кажется, что он не может быть слишком уж раздражен, раз вырезает сову для нее. Вейри как-то сказала ей, что с гэльского сова переводится как «ночная ведьма». Именно такими она и представляет себе сов, когда слышит их уханье в темноте. Вскоре деревянная «ночная ведьма» окажется возле ее подушки...

- В морозилке есть тушеное мясо. Кролик. - У отца грустные глаза. Вот так он выглядит, когда никого не слушает и целиком погружен в свои мысли.

Молодая женщина встает, за ней неотступно следует ее тень. Отец Лорен поднимается со своего места и минуту смотрит ей в лицо. В свете камина его глаза все еще выглядят сонными и остекленевшими.

- Только посмотри на себя, - бросает он женщине.

Та не отвечает, потом садится в коричневое кресло, молчаливая, как ночной мотылек. Найл качает головой и идет в сырую и холодную подсобку, чтобы достать из морозилки тушеное мясо. Он кладет ледяной комок в металлическую кастрюлю и ставит на огонь. Обычно они едят простую пищу: картофельное пюре, яичницу-болтунью, сосиски. По воскресеньям он иногда жарит курицу или тушит кроличье мясо. Лорен наблюдает, как отец достает из буфета вторую бутылку виски.

Отцовская винтовка стоит у кухонной двери. С ней он охотится на кроликов, фазанов и лис. Лорен никогда не видела, как погибают эти животные, но зато часто слышала выстрелы в лесу. Она видела кроличьи шкурки и их тушки, подвешенные в саду и разложенные на кухне. И даже как-то коснулась одной рукой. «Осторожно, - всегда напоминает ей отец, - клещи». Джеймсон ест внутренности этих животных, ну, то есть те части тела, которые человек обычно выбрасывает. Ему они нравятся. И когда он находит в лесу мертвое животное, то переворачивается на спину и начинает кататься. Наблюдая за женщиной, Лорен думает об этих животных, об их внутренностях...

Отец Лорен опускается на корточки перед женщиной, но та по-прежнему не смотрит ему в глаза. Он пытается заставить ее поесть из дымящейся миски, поднося к ее губам стальную ложку. Он дует на еду и вновь протягивает ей. Но рот женщины плотно закрыт. Он пробует в третий раз, ложка снова оказывается у ее плотно закрытого рта.

- Я страшно голоден, - говорит отец.

Он берет свою миску, садится рядом с Лорен за деревянный кухонный стол, и они молча едят вместе. Еда успокаивает. Лорен поднимает голову. Сидящая отцовская борода немного трясется, когда он ест. Над миской возвышаются плечи и голова. У него такие сильные и загрубевшие от работы руки. Вообще, он постоянно чем-то занят: чинит изгороди, рубит столбы, вбивает их в землю, раскручивает проволочную сетку. И внутри дома у него тоже полно всяких дел. Стулья, ящики и полки сделаны из дерева, которое он достает на лесопилке. На предплечье у него татуировка - голубая роза.

Когда огонь начинает затухать, он берет женщину за руку и подводит к комоду в своей спальне. Здесь, наверху, еще холоднее. Он достает свою черную футболку «Моторхед» с изображением пламени на спине и засовывает под мышку. Лорен видит, как женщина дрожит от холода. Она стягивает клетчатое одеяло с постели и посильнее в него закутывается. Свет отец так и не включил.

Найл ведет женщину в ванную и запирает дверь. Там они находятся довольно долго. До нее доносится звук льющейся воды. Ей тоже хочется под горячую воду или поближе к растопленному камину в гостиной. Она прижимает ухо к двери ванной и слышит низкий голос отца, который что-то напевает.

– Папа, тебе помочь?

– Нет, детка. Я буду через секунду.

Лорен медленно расхаживает по коридору, завернувшись в одеяло, как в тогу. Ее тыквенное ведерко стучается о колено. В их доме никогда не бывает светло, разве что возле мансардного окна над лестницей. Пол во всех комнатах, в том числе и в пропитанной сыростью ванной, застелен ковролином ярко-синего цвета. Маленькие окна закрыты сетчатыми занавесками, а вход в гостиную завешен тяжелой бархатной шторой. Столик на тонких ножках в коридоре завален нераспечатанными письмами. Стены обшиты темно-желтой сосной. Висит несколько картин с холмистыми пейзажами, ледяными реками и дикими животными, написанными в мягких, пастельных тонах...

Лорен напряженно вслушивается, но слышит лишь стук капель в холодной подсобке. И больше ничего. Ручейки воды каплют с потолка в красное ведро, которое отец выставил накануне. Он обещал скоро починить водосток. Снаружи ветер усиливается, и начинается дождь. В ее спальне на стенах нарисованы контуры лошадей, приколоты страницы, аккуратно вырванные из журналов. На карнизе висят ловцы снов с густыми перьями.

Забравшись в постель, Лорен нащупывает угловую щель в стене и достает оттуда маленький зашнурованный мешочек и старую потрепанную записную книжку. Мешочек из темно-синего бархата украшен золотистыми звездочками. В нем хранится колода карт Таро. По вечерам она часто тасует карты, они кажутся такими большими в ее ручках. Она старается правильно читать и изучать карты, но иногда сама выдумывает их значения, когда чего-то не понимает. На первой

странице записной книжки в кожаном переплете написано по-гэльски: «Книга предсказательницы». Ее она нашла в нижнем отделении туалетного столика своей матери и вскоре узнала, что книга раскрывает разные секреты магии и объясняет законы целительства.

Некоторые из пожелтевших страниц покрыты каракулями бабушки, которая написала свое имя на обложке. Другие исписаны более старомодным почерком. Третьи – покрыты жирными буквами с завитушками, которые кажутся ей более разборчивыми – как почерк школьной учительницы. Некоторые страницы взяты из записных книжек и вклеены в книгу с помощью скотча. Многие из них посвящены чтению карт, снабжены рисунками и схемами.

Лорен слишком устала и никак не может сосредоточиться, она листает страницы книги, пытаясь отыскать на них что-нибудь интересное. Кто-то нарисовал здесь пятиугольники, дубинки, палочки, переполненный кубок и голубя, а на одном замечательном рисунке изображена женщина с завязанными глазами и скрещенными мечами.

Рядом с записной книжкой на ее подушке лежит коробочка с маленькими куколками, сделанными из кусочков шерсти и ткани. С ними она беседует едва ли не каждую ночь. И каждой дала свое имя. Она достает их из коробки и кладет рядом с подушкой.

– Стейси. Кристалл. Спенсер. Кендалл.

Она молча общается с каждой из кукол и, кладя под подушку, просит оберегать их с отцом от всяких бед. Лорен дышит часто и прерывисто, прислушиваясь к сильному дождю за окном. Она вспоминает, что на губах у нее мамина помада, и направляется обратно в ванную. Там никого нет.

– Папа? – зовет она.

Но никто не отзывается. Ей холодно, поэтому она подставляет под горячую воду ладони и запястья и потом касается шеи согретыми руками. В тусклом свете она замечает в раковине крошечные пятна крови. В какое-то мгновение ей кажется, что крови было больше, но она смыла ее водой. Лорен вспоминает, что, когда чистит зубы, тоже иногда выплевывает кровь, но эти пятна совсем другие. Она пытается стереть их и в темноте гадает, откуда они все-таки взялись...

Прищурившись, она смотрит в зеркало. Откуда-то сквозит. Что-то мелькает в зеркале, и она бросает взгляд в нижний угол, чтобы понять, что творится у нее за спиной. Однажды она подслушала, как старшие девочки говорили о женщине, которая появлялась ночью в зеркале, если трижды произнести ее имя. Лорен снова смотрит на свое лицо, чтобы убедиться, что оно не изменилось. Ее волосы стали влажными, вокруг глаз растеклась черная тушь. Она расплетает косу, и ее волосы тут же начинают кудрявиться. Она выглядит еще более странно, чем вечером накануне, когда они ходили по домам и выпрашивали сладости. Лорен трет заплаканные глаза, а по холодному стеклу по-прежнему барабанит дождь. Ветер завывает, словно брошенная хозяевами собака...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Картофельные каникулы – длинные октябрьские каникулы в Шотландии; в прошлом веке носили такое название, потому что в некоторых частях страны в это время года дети занимались сбором картофеля.

2

Речь идет о традиционном шотландском угощении, которое называется top hats: маршмеллоу, кекс, глазированные шоколадные конфеты обмакивают в молочный шоколад, получается угощение в виде шляпы.

Купить: https://telnovel.com/ru/tun_fransin/doch-ved-my

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)